

Николай Булгаков. 1930.

В истории постановок драматургии М.А.Булгакова в театрах русского зарубежья многое еще не изучено до конца. Широко известен спектакль «Белая гвардия», показанный в межвоенные годы в Европе Пraqской группой артистов Художественного театра.

Менее известна осуществленная в Белграде в 1934 году постановка «Зойкиной квартиры». В переписке братьев Булгаковых ни название театра, ни имена режиссера и сценариста, ни фамилии артистов не упомянуты. Михаил Афанасьевич и Николай Афанасьевич не знали (или делали вид, что не знают: переписка с Парижем в 1934 году читалась цензурой), что «Зойкину квартиру» поставил эмигрант из России, постоянно выступающий в качестве ведущего режиссера Белградского национального театра, Юрий Львович Ракитин, в прошлом — артист МХТ, затем член «Товарищества новой драмы» Всеволода Мейерхольда, в 1911-1918 гг. — режиссер императорских театров в Петербурге. В качестве художника спектакля выступил молодой, начавший карьеру сценариста в эмиграции Владимир Жедринский, к тому времени успевший принять участие в югославском разделе экспозиции Выставки декоративных искусств и ремесел в Париже в 1925 году.

В бурной полемике, развернутой белградскими газетами в марте 1934 года, вскоре после премьеры, между строк можно найти косвенные свидетельства о том, что пьеса попала в репертуар центральной югославской сцены не без ведома автора.

«Советский писатель Михаил Булгаков заговорит завтра со сцены Национального театра, — читаем мы в сообщении белградской газеты «Политика». — Впервые исполняется его комедия «Зойкина квартира». Писатель уже известен жителям Белграда. Несколько лет тому назад пражские «художественники» показали нам его «Белую гвардию», оставившую глубокое впечатление. Если в «Белой гвардии» показаны бурные дни революции, то «Зойкина квартира» представляет фрагмент той эпохи, когда гражданская война закончилась и началось строительство новой жизни. Поскольку писатель не собирается присутствовать на премьере, то мы обратились к режиссеру, г.Юрию Ракитину».

Подчеркнутая нами фраза позволяет предположить, что к писателю (прямо или через посредника, которым мог быть живший некоторое время в Югославии, перед отъездом в Париж, Н.А.Булгаков) обращались с предложением посетить белградскую премьеру, но получили отрицательный ответ.

««Зойкина квартира», — читаем мы далее в ответе Ю.Л.Ракитина интервьюеру, — описывает времена нэпа, когда власти начали готовиться к первой пятилетке. Вся комедия Булгакова написана в духе старого Художественного теат-

Злополучная «Зойкина квартира»

Булгаковский спектакль — Белград, 1934

ра, согласно которому звуки, доносящиеся с улицы, составляют психологический фон игры. В этой атмосфере и будет развиваться вся пьеса.

Развитие драматического действия будет определять новая и старая Москва, создающая основное настроение по ходу спектакля. Идея внешней режиссуры — ярмарочный балаган. Стены Кремля вечны, а все, что за их пределами, — преходяще. Мои красные комнатки каждому напомнят балаган, к чему я, собственно, и стремился».

«Мы слышали, что вы еще несколько лет тому назад хлопотали о том, чтобы эта вещь была у нас показана. Есть ли у вас особые причины ее любить?» — спрашивает далее корреспондент.

«Разумеется, — отвечает Ю.Л.Ракитин, — эта комедия написана в манере «условного» реализма, в духе которого я воспитан. Поэтому я предпочитаю ставить пьесы именно такого рода».

В заключение беседы корреспондент напомнил Ракитину о недавно состоявшейся удачной премьеры его спектакля «Квадратура круга» по В.Катаеву и спросил режиссера, надеется ли он на успех «Зойкиной квартиры». — «Актёры выкладываются полностью, да и я делаю все, что могу. Итак, с надеждой — и до свидания на премьере», — отвечал ему режиссер.

Ракитин к тому времени пользовался на белградской сцене большим и вполне заслуженным авторитетом. В первую очередь он проявил себя как постановщик русских классиков — Гоголя, Островского, Л.Толстого, Чехова. Ракитин стал одним из первых на белградской сцене постановщиков драматургии символистов, прежде всего М.Метерлинка и Л.Андреева.

В работе над комедийным спектаклем Ракитина увлекала атмосфера пересмешничества, безудержной озорной игры, запомнившаяся по самому счастливому периоду его жизни в России — времени дружбы с Никитой Балиевым и участия в его «капустниках».

Постановка «Зойкиной квартиры» 1934 года отличалась множеством нетрадиционных режиссерских ходов и допускала актерские импровизации. Однако это не исключало сатирического подтекста, который предполагается самим содержанием булгаковской пьесы.

Ракитин, так же, как и часто работавший с ним сценарист В.И.Жедринский, пристально следил за культурной жизнью Советского Союза. «Мы, эмигранты, можем и даже должны ненавидеть советскую власть, но мы обязаны делать разницу между нею и искусством», — записывал он в своем дневнике. Острота содержания «Зойкиной квартиры» не могла его не привлекать. Но, скорее всего, Ракитин-режиссер так упорно добивался согласия дирекции на постановку комедии потому, что видел в ней благодарный материал для комедийного спектакля, в котором было бы место и юмору, и сатире, и атмосфере всеобщего розыгрыша, и остроумным сценическим гротеску. Исходя из опыта работы Ракитина на русских сценах, можно предположить, что в воспитании актера он сочетал методику дооктябрьских спектаклей Мейерхольда и влияние того этапа исканий Станиславского, когда он отдавал предпочтение методу «психо-физиологическому».

Белград всегда славился своими актерами, отличавшимися особой гибкостью, органичностью. Элегантный, барственный Франц Нова-

кович придал своему Обольянинову черты еще не угасшего обаяния. Гусь в исполнении знаменитого уже в те годы Милюйе Живановича был сочным и колоритным прожигателем жизни. Зойка в исполнении Эвки Микулич выглядела достаточно вульгарно, а бывшая аристократка Алла Вадимовна — изысканная Дора Милошевич вызвала скорее сочувствие, чем осуждение. Остроумной и функциональной оказалась задуманная Ракитиным и Жедринским единая сценическая установка — упомянутые в газетном интервью режиссера «красные комнатки». Три портала со сменяющимися деталями обстановки выглядели и в самом деле чем-то временным и убогим на фоне задника, являвшие-

Михаил Булгаков. 1927.

го вид Красной площади и кремлевских сцен.

Тем не менее спектакль «Зойкина квартира», в отличие от других комедийных постановок Ю.Л.Ракитина, вызвал протест благопристойных зрителей, возмущенных, как утверждали рецензенты, тем, что в стенах Национального театра показывают нечто похожее на бордель.

Критик газеты «Политика» Веллибор Глигорич с удовольствием цитировал высказывания «приличных» зрителей:

«Да это — публичный дом!» — воскликнул господин из партера так громко, что все зрители могли это слышать. Галерка несколько раз принималась свистеть.

Молодежь в третьем ярусе аплодировала в знак протеста и выкрикивала: «В следующий раз мы забросаем вас яйцами». Затем театр начал пустеть. Более пятидесяти человек во время спектакля покинули свои места и вышли».

Эта статья молодого тогда театрального обозревателя-коммуниста, по стилю напоминающая какую-нибудь охранительную рецензию блюстителя нравов XIX века, была опубликована под названием «Вечер гвалта и кривляния на сцене». Статья открывалась следующей фразой: «Показ «Зойкиной квартиры» на нашей сцене извратил и изуродовал текст, лишил его всякого идейного и театрального смысла, уничтожил его дух». Поэтому мы не в состоянии говорить о его литературной и театральной ценности и не будем заниматься анализом, ибо верим, что оригинал далек от этой путаной и отрывочной версии Ракитина».

Естественно, услышав текст В.Глигорича в изложении знакомых, Н.А.Булгаков, упустив из вида тот факт, что критик незнаком с пьесой, в письме к брату из Парижа от 24.06.1934 сообщил: «Здесь уместно рассказать о постановке «Зойк.кварт.» в Белграде (Югославия). Кто-то перевел на сербский язык «Зойк.кв.» и сострепал «постановочку» для тамошнего театра. Сделано это было так головотяпски, что на премьеры вышел скандал: публика начала протестовать против пошлости и распушенности. Неясно, снята ли данная обработка дирекцией или нет. В июле я буду в Югославии и постараюсь добраться до Белграда, театра и восстановить истину. Обращались ли к тебе эти незнакомцы? Знаешь ли ты что-нибудь об этом? Я лично узнал об этом немного поздно и не мог достать белградских газет того периода. Что наворотили там дельцы, пока мне неизвестно. Приложу все усилия, чтобы узнать истину».

Вполне естественно, что Михаил Афанасьевич уже 1 августа 1934 г., беспокоясь о судьбе готовившейся постановке «Зойкиной квартиры» во Франции, написал брату: «О белградской постановке («Зойкиной квартиры»). — А.А.). Сукины дети они! Что же они там наделали! Пьеса не дает никаких оснований для того, чтобы устроить на сцене свинство и хамство, и, само собой разумеется, я надеюсь, что в Париже разберутся в том, что такое трагикомедия. Основное условие: пьеса должна быть сделана тонко».

После такого обмена впечатлениями о спектакле, которого никто не видел, постановка «Зойкиной квартиры» в Белграде приобрела в глазах исследователей творчества Булгакова крайне негативный оттенок и была обозначена в хронологических таблицах как «пиратская».

Между тем, оправдываясь перед нападавшим на него В. Глигоричем (а этот юный ревнитель общественной морали требовал, вина во всем режиссера, чтобы спектакль немедленно сняли), недавний директор драматической труппы М.Предич отвечал через газету, что просил Советы прислать что-нибудь другое, новое, но получил инсценировку «Мертвых душ» Гоголя. Это свидетельствует не только о том, что дирекция театра шла вполне официальными путями, но и о том, что кто-то из советских театральных чиновников определенно сочувствовал опальному писателю. Ведь инсценировка «Мертвых душ» для МХАТ была, как известно, выполнена М.А.Булгаковым.

Скандал вокруг «Зойкиной квартиры» в Белграде стал сенсацией сезона 1933/34 годов и, увы, печальным фактом творческой биографии Ракитина, которого на довольно длительное время отстранили от постановок.

Вся эта крайне запутанная ситуация свидетельствовала, конечно, не только о консервативности вкусов белградского обывателя, но и об ограниченности взглядов, царивших в околотеатральной среде. Профессиональная театральная критика в то время в Белграде практически отсутствовала. Исключение составляли старый литератор Богдан Попович, редактор журнала «Српски книжевни гласник», в начале века получивший образование в Париже, и писатель Милош Црнянский, с дипломатической миссией объехавший Европу.

Другой автор не менее «разгромной» рецензии, Д.Крунич, винил в провале спектакля уже не

режиссера, а автора пьесы. ««Зойкина квартира» — расплывчатая сатира на советское общество, неглубокая, сделанная с помощью ножиц, составленная из газетных вырезок» Булгаков искал общественный конфликт, но утонул в мелочах, в криминальной рубрике, представив дешевый водевиль, фальшивку, банальную интригу. Такая сатира только поддерживает испорченность нравов».

Явное расхождение двух «левых», явно прокоммунистической ориентации критиков объяснялось, видимо, тем, что Д.Крунич пытался сохранить принципиальность, в то время как В.Глигорич поставил своей целью «исобличить» режиссера-эмигранта. Непорядок в коммунистических рядах дополнялся еще и тем, что переводчик «Зойкиной квартиры» Вук Драгович, очевидно симпатизировавший и комедии, и ее автору, тоже был коммунистом.

Не исключено, что скандал в театре был кем-то намеренно спровоцирован. Кем и с какой целью — выяснить невозможно. Слишком сложна была тогда ситуация в маленькой, раздираемой внутренними противоречиями, недавно возникшей балканской державе, король которой решил дать приют русским эмигрантам.

Левые круги, как уже говорилось, обвинили и автора, и режиссера-эмигранта в том, что на сцене Национального театра появился пасквиль на новую Россию. Этот упрек в адрес театральной дирекции был для нее небезопасен, так как коммунистическое движение в Югославии в 30-е годы набирало силу и приобретало влияние.

Монархисты, напротив, обиделись за дворянское сословие и за то, что выбрана комедия советского автора, независимо от ее содержания (о сложностях отношений М.А.Булгакова с советской властью монархистам и белогвардейцам, жившим в Белграде, конечно, известно не было).

Русофилам и славянофилам показались дерзкими выпады против братского славянского народа. Правительственный официоз остался недоволен нарушением молчаливого запрета на пропаганду советской культуры, а оппозиция, выступавшая за восстановление связей с Россией, усмотрела в спектакле демонстрацию антисоветских настроений эмиграции.

Современная исследовательница творчества Булгакова В.Гудкова приводит в своей статье, посвященной этой пьесе, те неслестные эпитеты, которыми награждали пьесу и ее автора советские критики 20-30-х годов. Многие «перлы» советских столичных критиков, к сожалению, почти текстуально совпадают с упреками провинциальных жителей Балкан.

Ю.Л.Ракитин, работая над спектаклем, вряд ли задумывался о политическом звучании пьесы. Его привлек яркий, острый комедийный сюжет, позволявший осмеять пошлость, беспринципность, показать людям их пороки. Как свидетельствует дневник режиссера, его одинаково угнетали и нерадостные вести с родины, и провинциальная белградская среда, и, как он писал, «духовный цинизм» эмиграции.

История с «Зойкиной квартирой» — свидетельство того, что М.А.Булгаков задевал своей пьесой обывателей и приспособленцев независимо от их национальной принадлежности.

НАТАЛЬЯ ВАГАПОВА

Москва